НАДЕЖКИН ИГОРЬ

ПРОВИНЦИАЛЫ

18+

Игорь Надежкин

Провинциалы

«Автор»
2026

Надежкин И.

Провинциалы / И. Надежкин — «Автор», 2026

Тридцать историй из маленьких городов, где все друг друга знают и всё равно умудряются удивлять.Владелец успешной компании садится в обычный городской автобус, чтобы вспомнить, каким он был в юности, и вдруг понимает, что бедность так его и не отпустила. Рабочий двадцать лет живёт по одному расписанию и не представляет, что бывает иначе. Столичный коуч за вечер обещает местным бизнесменам богатство. А самый незаметный человек на свете оказывается великаном для одного-единственного зрителя.Смешная и горькая книга о провинции. Соседей в ней узнать легко, а иногда и себя.

© Надежкин И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 6
Хлеб насущный 7
Свиная туша 10
Нищета 14
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Игорь Надежкин
Провинциалы

18+

Книга содержит упоминания наркотических средств. Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законом ответственность.

От автора

Все персонажи и события этой книги вымышлены.

Книга не стремится отражать действительность и не является свидетельством о жизни какого-либо города, профессии или социальной группы. Рассказы намеренно сосредоточены на негативных сторонах жизни: я вырываю их из общего контекста и довожу до гротеска и абсурда, чтобы усилить художественный эффект.

Хлеб насущный

Воскресным утром у продуктового магазина «Энтей» собрались почти все пенсионеры, инвалиды и алкоголики поселка городского типа Лазурный. Каждый из них держал талон с надписью: «Полбуханки черного и батон», поверх которой синела печать индивидуального предпринимателя Миросяна Авага Викторовича. Несмотря на дождь, люди все прибывали, и чем длиннее становилась очередь, тем злее они становились, боясь, что им может не хватить хлеба и придется ждать следующего воскресенья.

Люди приходили сюда каждое воскресенье вот уже восемь лет — с тех пор, как по поселку прошел слух, что в «Энтее» можно получить талоны на бесплатный хлеб. Сперва люди неохотно верили, что кто-то решил оказать им безвозмездную помощь. Но вскоре пошел шепоток, что все это началось с подачи местной администрации, а может, даже самого президента, в рамках программы помощи малоимущим. Поговаривали, будто торговцев-мигрантов обязали выдавать продукты пенсионерам и инвалидам. А хозяин «Энтея» был родом из армянского Гориса — и сомнения у поселка быстро развеялись. Всюду можно было услышать комментарии, суть которых лучше всего передавало высказывание одного завсегдатая, что приходил к «Энтею» каждые выходные. «Давно пора их всех присмирить! Приехали в нашу страну и жируют, обворовывая местное население. Это правильно, что они нас кормят. Теперь-то за них возьмутся как следует», — говорил он и еще крепче сжимал в руке свой талон. Но и этого оказалось мало: со временем, когда местные привыкли получать бесплатный хлеб, по Лазурному снова пошли сплетни. Людям показалось подозрительным, что им выдают только полбуханки черного. После недолгих раздумий они пришли к выводу, что хозяин магазина крадет у них половину положенной им дотации. Теперь весь поселок судачил о жадности и беспринципности Авага Викторовича, а в очереди у «Энтея» его имя поливали такой грязью, что не отмыть и за век.

Не обошлось без брани и в это воскресенье. Из толпы то и дело вырывались возгласы: «Позор-то какой! Идем с протянутой рукой к этим понаехавшим», — и с другого конца очереди отзывались: «Наш русский хлеб, который испекли в России, они перепродают нам втридорога! Ну ничего, вот напишу письмо в прокуратуру — они с ними быстро разберутся, с этим ворьем».

Наконец двери магазина распахнулись, и возгласы стихли. Люди двинулись к входу нестройной гурьбой, пихая и толкая друг друга. Продавщица окинула толпу взглядом и крикнула:

— Не толпитесь! Заходите по очереди. Хлеба хватит на всех.

— В прошлый раз вы тоже так говорили. А мне потом пришлось неделю ждать! — закричала в ответ женщина из толпы.

— Вы здесь совсем распоясались, — поддержала ее старуха, что стояла прямо у входа. — Вам хлеб-то, небось, под расчет привозят, а вы его домой тащите.

— Никто у вас ничего не ворует, — в который раз пыталась объяснить им сотрудница магазина. — И хлеб нам никто не привозит. Аваг Викторович сам ездит за ним.

— Так уж прям сам! — возразили ей из толпы. — Нашелся тут благодетель! Если бы его не заставили, палец о палец не ударил бы.

— Вот-вот! — крикнул еще кто-то. — Вам лишь бы честной народ обворовывать. Мехмед Талаат знал, как с вами нужно обращаться!

Марьям, продавщица, которой не посчастливилось в то утро открывать двери «Энтея», проработала в магазине пять лет. За это время она наслушалась всяких гадостей и даже успела к ним привыкнуть, но такого кощунства не стерпела. Ее спокойное, нежное лицо исказилось, а черные глаза блеснули яростью.

— Да как вы смеете?! — закричала она. — Если у вас есть хоть капля совести, немедленно покиньте очередь и больше никогда не возвращайтесь!

Но неизвестный так и не решился явить себя миру и остался стоять на месте. Марьям на секунду потеряла ощущение реальности. Она поняла, что этот мерзавец все равно получит сегодня свой хлеб, и, не сумев сдержать слезы, побежала в подсобку. Перед тем как захлопнуть за собой дверь, она с досадой спросила Авага Викторовича: «И зачем только вы им помогаете?» Тот лишь пожал плечами и, обернувшись, посмотрел на портрет старика, висевший прямо у него за спиной.

Тем временем люди, толпившиеся у входа, не понимали, что случилось с Марьям. Наконец послышался голос старушки, которая скромно стояла в стороне: «Как вам не стыдно!» Она одна в очереди знала, кто такой Мехмед Талаат и чей портрет висит за спиной у Авага Викторовича.

Люди тянулись к «Энтею» до самого полудня, и всем, кто протягивал Авагу Викторовичу талон, он молча выдавал полбуханки черного и батон. Благодарили немногие, но он и не ждал благодарности.

Не понимали его ни работники магазина, ни друзья, ни семья. Зачем он печатает эти талоны, каждую неделю покупает хлеб, а потом раздает его тем, кто за всю свою жизнь не сказал о нем доброго слова? А когда близкие решили рассказать людям о том, что делает для них Аваг, он рассердился и категорически запретил говорить об этом.

— Но ведь они клянут тебя на чем свет стоит! — возражала жена. — Письма в администрацию пишут! А знаешь, что сделал один подонок на прошлой неделе, когда узнал, что хлеб закончился? Швырнул свой талон Марьям в лицо! А ты все ходишь, молчишь. Столько денег истратил, а зачем?

— Мы людям помогаем, — сердито отрезал Аваг.

— А они тебе чем ответили? Только слухи про тебя распускают и желчью плюются, того гляди магазин подожгут или еще чего хуже… — Жена развела руками. — Ну раз так, хоть растолкуй им, что к чему. Они ведь тебя вором считают, говорят, что у нас вся семья такая. Мне на людях стыдно показаться. Не хочешь сам говорить, стесняешься, так позволь мне рассказать.

— Если каждый о своих добрых делах будет трепаться, одно хвастовство останется, — не сдавался Аваг.

— Упрямый ты, — качала она головой. — И упрямством своим навлечешь на нас всех беду.

Но Аваг был непреклонен.

Отчество у Авага было необычным: в родном Горисе, где он провел детство и юность, имя «Виктор» носил только его отец, названный в честь фронтового товарища деда.

В детстве его выделяла среди сверстников разве что строгая набожность семьи. Окончив школу, Аваг поступил в Ереванский строительный техникум, где выучился на каменщика, после чего уехал в Россию на заработки и вскоре познакомился со своей женой.

После свадьбы супруги перебрались в небольшой поселок на севере страны. Аваг так и не сумел найти работу и потому решил заняться коммерцией. Сперва открыл маленький хлебный киоск, а спустя пять лет — свой первый продуктовый магазин. Это позволило ему не просто обеспечить семью, но и задуматься о благотворительности. На мысль о талонах на хлеб Авага подтолкнула кончина его деда. Он решил, что это будет лучший способ почтить память человека, который всю жизнь говорил: «Не хлебом единым жив человек, а желанием им поделиться». Так Аваг и поступал вот уже восемь лет.

Каждое воскресенье он распахивал двери «Энтея» для всех нуждающихся и тех, кто просто хотел поживиться на его доброте. Аваг знал, что далеко не все, кто приходит к нему за талонами, нуждаются в помощи. Что приходят к нему и пьянчуги, и бездельники, и люди, совсем не стесненные в средствах, движимые инстинктом наживы. Что многие из них говорят

ужасные вещи о нем и о его семье. Но всем им Аваг Викторович давал хлеб и, протягивая очередной батон, оглядывался на портрет старика за спиной.

Свиная туша

Артур Ефимов проснулся еще до восхода солнца. Сонный взгляд его устремился в потолок. На белой глади извивались желтые разводы — с тех самых пор, как старик, что жил в квартире наверху, упился водкой и уснул, позабыв о том, что собирался принять ванну. Артур лениво потянулся в постели и принялся искать сигареты, которые должны были лежать у кровати, если только их не убрала жена. Светлана, по мнению мужа, имела отвратительную привычку всюду совать свой нос, и, если Артур после работы заглядывал в пивную, ей иногда доставалась пара тумаков. Он давно собирался уйти от нее и заявлял друзьям, ударив стаканом по столу: «Сегодня же брошу эту корову! Вот увидите, вернусь домой и скажу, чтобы собирала вещи. Мало того что она растолстела на двадцать пять килограммов, так еще и обозлилась хуже ведьмы. Стоит переступить порог, как тут же начинает вопить, что я опять сидел с вами». Но каждый раз, приходя домой, Артур заваливался спать. И история эта повторялась вот уже десять лет.

Поднявшись с постели, Артур подошел к окну и чуть приоткрыл его. В комнату ворвался промозглый воздух ноября. Он потянулся, опираясь на подоконник, вальяжно и не спеша, но тут подумал, что кто-нибудь может увидеть в окне его силуэт, и поспешил спрятаться в глубине комнаты. За последние пять лет его внешний вид изменился к худшему так, что порой он сам себе напоминал одну из свиней, туши которых разделывал целый день на местном рынке. А иногда он так зацикливался на этой мысли, что испытывал чувство вины, потроша очередного борова, или же, наоборот, резал его с ненавистью и презрением. Артуру нравилось это чувство. Ощущение власти и превосходства над чем-то мертвым, не способным противостоять ему. В этом он никому не признавался, понимая, что его наслаждение граничит с сумасшествием, и даже стыдился его, но каждое утро шел на работу с удовольствием.

Потребность в возвышении, пускай даже над мертвыми свиньями, появилась у него еще в детстве, под влиянием, как считал сам Артур, его матери. Когда мать возвращалась с работы в дурном настроении, Артур мог быть наказан лишь потому, что имел неосторожность оказаться рядом. В такие дни мальчик тихо сидел в своей комнате, ожидая ее, и замирал, когда за дверью слышались ее тяжелые шаги.

Суровой и жестокой мать была не всегда, и Артур даже помнил те времена, когда она встречала его, порхая в красном платье и улыбаясь. Но после того, как отец Артура бросил ее, мать замкнулась в себе и озлобилась, а после начала заедать свое горе жареной картошкой, котлетами и шоколадом. Через год ее не могли узнать даже родственники. Она забросила всякий уход за собой и часто не пользовалась даже расческой. Характер портился день ото дня, и вскоре люди стали избегать ее. Только власть над своим ребенком и его испуганный трепет позволяли ей чувствовать свою значимость.

Когда Артур впервые пришел на рынок, куда его устроила мать, он боялся даже поздороваться. Руки его дрожали, а топор рубил так неуверенно, что напарник сказал ему, рассмеявшись:

— Хватит наглаживать ее, как свою женушку. Это просто туша! Ударь ее топором посильнее, так, чтобы кость сломалась.

— Но я…

— Что «я»? — Напарник оттолкнул его в сторону. — Смотри! — Парень крепко сжал рукоять топора и одним ударом перерубил бедро жирному хряку. — Вот так. Теперь сам.

Артур долго смотрел на тушу и не мог решиться. Ладони его вспотели. Сердце билось так сильно, что глухой стук его отдавался в ушах. Наконец он собрался с духом и обрушил топор. Холодная плоть мягко разошлась по обе стороны лезвия. И вдруг Артур ощутил что-то новое. Впервые в жизни он оказался способен повлиять на события, а не просто безвольно

подчиняться их течению. Он ударил снова. Еще одна волна уверенности и всесилия. Удар. Глухой стук топора о разделочную доску. Артур замер. Он впервые чувствовал себя человеком — вершиной пищевой цепи.

Артур любил свою работу. Любил видеть на лицах людей смущение и оттенки ужаса, когда он с напускным безразличием и немного жутковатым взглядом, который отрабатывал, стоя перед зеркалом, говорил: «Я мясник». Особый эффект эта фраза производила на юных девушек. Когда Артур видел, что какая-нибудь впечатлительная особа поглядывает на него со страхом, он принимался за нее и весь вечер ходил вокруг. Как бы невзначай он давал понять, что распотрошить мертвую свинью для него — столь же обычное дело, как и чай по утрам. Что руки его без дрожи перерубают хребты, а взгляд, неизменно твердый, он не отводит даже в самые жуткие мгновения. Артур так часто разыгрывал эту роль, что в какой-то момент и сам поверил, что он высшее существо, не способное испытывать жалость к тем, кто ниже и слабее. А через несколько лет он уже был уверен, что нет никакой разницы между человеком, которого он встретил сегодня на улице, и свиньей, лежащей на разделочном столе. Он знал, что ему хватит хладнокровия разделать любого встретившегося ему прохожего, и чувствовал превосходство над всем, живым или мертвым. Но откровение свое он хранил глубоко в себе, для большинства оставаясь все тем же тихим парнишкой, который боялся и слово сказать.

Тогда Артур все еще жил со своей матерью, пребывая в ужасе от одного только ее недоброго взгляда, но уверял себя, что испуганный мальчик — это лишь маска, под которой таится хладнокровный мясник. Он мечтал освободиться, явить свое новое «я» этому миру, но мешала мать — она подавляла его, знала обо всех его слабостях и помнила, как предательски тряслись его колени. Она присутствовала в его жизни, как огромный обелиск, возведенный его унижениям. Артур по-прежнему пресмыкался перед этой женщиной, пытался всячески задобрить ее, но втайне желал ей скорейшей смерти, зная, что сможет возвыситься над ней, лишь увидев ее мертвое тело. Только тогда он сможет стать по-настоящему важным, уверенным в себе человеком.

Мать Артура умерла одним холодным февральским утром от обширного ишемического инсульта. Сожалений он не испытывал. На душе было легко, будто с плеч сняли мешок. Даже на похоронах настроение его не ухудшилось. Но ему и не пришлось изображать скорбь, ведь проститься с его матерью никто не пришел. Теперь Артур был уверен, что больше никто не сможет помыкать им, как прежде.

Наконец Артур, как всегда с похмелья, поплелся в ванную. У зеркала, заляпанного брызгами зубной пасты, он долго рассматривал свой обвисший живот. Он часто думал о том, что ему пора привести себя в форму, но не готов был начать делать хоть что-то. К тому же это волновало его не так уж и сильно, и безобразную внешность он списывал на естественные возрастные изменения.

Из дома он вышел довольным. Спустился по грязной улочке к кленовой аллее. Пройдя сквозь парк, где опавшие листья прели в лужах, Артур вышел к небольшой площади, за которой бурлил под моросящим дождем вечно беспокойный рынок. В раздевалке на обломанном крючке его ждал засаленный халат. У разделочного стола — топор с треснутой рукоятью. День этот ничем не отличался от множества остальных.

После смены Артур вышел на улицу. Он свернул в подворотню, чтобы срезать путь и побыстрее дойти до заведения, где его ждали приятели. Шел Артур не спеша, в основном потому, что быстрая ходьба вызывала у него одышку, но еще ему казалось, что так он выглядит солиднее и бесстрашнее. Мысль эта так занимала его, что он не заметил, как оказался возле компании подростков. Сворачивать из-за кучки молокососов Артур не счел нужным и с надменным видом толкнул одного плечом. Артур ждал, что юноша извинится, но тот только злобно зыркнул на него.

— Ты что, слепой? — возмутился Артур.

— Что?

— Ты тупой? С первого раза доходит плохо?

Артур был уверен, что сопляк отступит. Он горделиво поднял голову и готов был идти дальше, но оглянулся и увидел, что компания окружила его. Он понял, что ему ни за что не справиться с шестью подтянутыми парнями. Артуру стало страшно. Впервые со дня смерти матери его колени задрожали. Парень, которого он толкнул, схватил его за рукав. Артур хотел попросить прощения, но от страха не мог вымолвить ни слова. Парни сжимались вокруг него все плотнее. Юноша взял Артура за грудки и нанес мощный удар лбом в переносицу. Артур взвизгнул. Его опухлое лицо скривилось от боли. «Ребята, не надо! Я не хотел…» — еле вымолвил он. Но парень ударил снова. Артур упал на землю, удары посыпались на него один за другим. Потом парни остановились, и один из них схватил его за волосы:

— Еще есть вопросы? — Юноша смотрел на него с ухмылкой. Лицо его замерло в отвратительной гримасе. Артуру казалось, что это лицо — самое ужасное, что ему доводилось видеть. — Я так и думал, — сказал парень и напоследок презрительно бросил: — Свинья!

Артур сжался клубком и долго не мог поверить, что избиение наконец-то прекратилось. Когда Артур поднял голову, от компании не осталось и следа. Он осторожно поднялся на ноги и, осознав, что кто-то мог увидеть его позор, начал испуганно озираться и успокоился, только когда убедился, что он здесь один. Артур собрался идти дальше, но заметил, что из носа течет кровь, а затертая кожаная куртка перепачкана грязью. Появиться перед своими друзьями в таком виде Артур не мог. Он много лет потратил на то, чтобы они считали его человеком сильным и безжалостным. И если они узнают об избиении кучкой подростков, его авторитет будет потерян, и тогда придется снова стать испуганным маленьким мальчиком, которого Артур похоронил вместе с матерью.

Прежде чем показаться перед людьми, Артур отмыл кровь и грязь в луже у подворотни. В бар он зашел с показным безразличием. Скинул с себя куртку и уселся за столик в углу, широко расставив ноги. На его приход приятели отреагировали скупо, впрочем, как и всегда. Но Артуру казалось, что он был для своих друзей фигурой значимой. Он был уверен, что к его словам прислушиваются, а сила его характера заставляет относиться к нему с опаской.

Но в тот вечер он впервые стал наблюдать за тем, что происходит вокруг, и вдруг с ужасом обнаружил, что никто не обращает на него внимания. Ему казалось, что друзья каким-то образом узнали о том, что случилось с ним сегодня, и только ждали момента, когда он уйдет, чтобы вдоволь посмеяться. Артур не мог позволить этому случиться. Он должен был что-то предпринять — представить им свою версию, которая не будет очернять его, а возможно, даже преподнесет случившееся в выгодном свете.

— Вы представляете, — начал он, придвинувшись ближе, — ко мне сегодня пристала шайка сопляков.

Приятели умолкли и посмотрели на Артура. На минуту за столиком повисло молчание. Наконец один из приятелей не выдержал и саркастично сказал:

— Расскажи, ведь нам так интересно.

Артур же принял его предложение всерьез.

— Иду я, значит, в бар… — Тут Артур сделал паузу, чтобы внести в историю немного интриги. Приятели, поняв, что избежать его россказней им не удастся, беспомощно откинулись на спинки стульев. — Вы же знаете, — продолжил он, — меня мало что волнует. И вот иду я, как вдруг какой-то щенок врезается прямо в меня. Я не стал делать из этого проблему. Я человек мудрый и рассудительный. Но он решил, что я должен перед ним извиниться. Вы представляете? Так еще и его дружки, как гиены, начали заходить со спины. Тогда уже у меня не осталось выбора. Я хорошенько примерился и ударил наглого щенка правой. Он тут же рухнул. Еще один пытался было кинуться на меня, но я взял его за шиворот и бросил на землю. — Артур выпятил грудь. — Подумать только, и откуда у этих молокососов столько наглости?!

Компания снова молча уставилась на него. И тут Витя Захарин, который был изрядно пьян, спросил:

— Если все так и было, что тогда случилось с твоим лицом?

Артур осторожно посмотрел на свое отражение в бокале и ужаснулся. Под правым глазом растекался, как чернильная клякса, багровый синяк. Он сделал глубокий вдох, пытаясь не терять самообладания:

— Наверное, зацепил локтем тот, кого я опрокинул на землю. Я, если честно, даже не заметил.

Захарин рассмеялся:

— А может, они все-таки тебя отделали?

— Ты хочешь сказать, что я вру?! — возмутился Артур.

— Я хочу сказать, что ты все время городишь какую-то чушь.

Приятели злорадно заулыбались.

— Ты бы лучше прикрыл свой рот. — Эту фразу Артур произнес медленно, четко выговаривая слова. Ему казалось, что это поможет осадить оппонента.

— И что ты сделаешь? Будешь корчить из себя хладнокровного мясника? Ты даже жену свою приструнить не можешь!

— Я сказал: закрой рот! — повторил Артур уже не так уверенно.

— Знаешь что? Свалил бы ты лучше отсюда!

Артур рассвирепел. Он знал, что, если прямо сейчас не заставит Захарина замолчать, никто за этим столом уже не будет уважать его. Он сжал кулаки, хотел было броситься, но вдруг в голове его раздался голос юноши: «Свинья!» — и Артура сковал страх. Он был напуган так сильно, что не мог даже смотреть на Захарина. Схватил свою куртку и выбежал прочь.

Как добрался до дома, Артур не помнил. Жена встретила его настороженным взглядом.

— Ты почему так рано? — грубо спросила она. Голос ее словно пробудил Артура ото сна. Он опомнился, выпрямил спину и совершенно спокойно ответил:

— Тебе какое до этого дело? Лучше погрей ужин.

— Неужели ты трезвый? — Светлана развела руками. — Такого я точно не ожидала. — И тут она заметила синяк на его лице. — А это у нас что? Наконец-то кто-то разбил твое мерзкое лицо!

— Заткнись! И неси еду! — закричал Артур, сжимая кулаки. — Иначе я сейчас разобью твое!

Светлана рассмеялась.

— Пожалуйста. Сегодня мне уже ничто не испортит настроения. Этот синяк на твоем лице будет греть мне сердце еще очень долго. А теперь иди и жри.

Артур беспомощно разжал пальцы.

Следующим утром, придя на работу в отвратительном настроении, Артур, как обычно, надел свой засаленный халат, подошел к разделочному столу и взял в руки топор с треснутой рукоятью. Он подтащил ближе тушу, замахнулся, но ударить не смог.

Нищета

Егор познакомился с Артемом Пустоваловым прошлой весной, когда стал водителем рейсового автобуса и, получив первую зарплату, по старой традиции угощал своих коллег выпивкой. Работали с ним немолодые мужчины, в основном типичные работяги. И только Артем Пустовалов выделялся среди них чуть озлобленным видом бывшего арестанта.

Сидели мужчины в небольшой рюмочной неподалеку от автобусного отстойника. Выпив несколько кружек пива, все разошлись по домам, к семьям, и лишь Артем никуда не торопился. Он сидел с отрешенным видом, погруженный в свои мысли, и в разговоре почти не участвовал, а когда они с Егором остались вдвоем, и вовсе замолк. Егор хотел поскорее вернуться домой, потому что вид Артема действовал на него угнетающе, но не решался прервать гулянку из страха прослыть среди новых знакомых человеком жадным. Через полчаса, поняв, что Артем не намерен вести с ним разговор, Егор собрался было уходить, когда Пустовалов тихо объявил:

— Знаешь, а ведь я познакомился со своей женой в похожем месте.

— Так ты женат?

— Уже нет. Она бросила меня несколько лет назад. Сейчас живет с матерью.

— И что же случилось?

— Все как у всех.

И Артем рассказал ему историю своей жизни. Когда Егор ушел, оставив Артема той ночью сидеть в одиночестве и хмурить брови, он не мог поверить, что Пустовалов был когда-то другим человеком — жизнерадостным, любящим и желающим всецело посвятить себя жене.

Алиса была для него всем. Единственной причиной, ради которой Артем жил. Высокая, болезненно худая, с густыми черными волосами и близко посаженными глазами, окруженными ниточками ресниц. Двигалась она мягко и вкрадчиво, словно боялась, что тонкое тело переломится от неосторожного движения. Говорила Алиса тихо, по большей части молчала и сама не осознавала, насколько была прекрасна. Артем любил ловить в витринах или на глянцевой поверхности автомобилей их отражение: она, а рядом он, большой и угловатый, с задумчивым взглядом и копной рыжих волос. Люди оборачивались на них. Алиса выглядела очень молодо, а у него к тому времени было шершавое, обветренное лицо и тяжелый взгляд. Однажды, когда они покупали мороженое, женщина позади них спросила Алису: «А твои родители знают, с кем ты проводишь время?» Отстала она, только когда они показали кольца на безымянных пальцах.

Артем не обращал на это внимания. Он давно смирился с тем, что в глазах окружающих навсегда останется подозрительным верзилой в синих рабочих штанах, и просто перестал относиться к подобным вещам всерьез. Алису же все это забавляло: вечером, уже ложась спать, она вдруг вспоминала такие случаи и начинала смеяться так громко, что за стенами слышалось недовольное бурчание.

Родился Артем в феврале 1978 года в небольшом северном городке, затерянном между угольными шахтами: сопки, панельные пятиэтажки, пустыри, поросшие ягелем, и люди, измученные нестерпимыми морозами и тяжелым трудом. В 1991-м шахты начали закрываться, отец потерял работу и запил, а через несколько лет уехал на заработки в Москву, где был убит. Вскоре после гибели мужа мать Артема вышла замуж снова, родила второго сына, а старшего отправила к бабушке, которая с трудом сводила концы с концами.

С того дня Артем чувствовал себя брошенным. Единственной, кого еще волновала судьба мальчика, была бабушка. Каждый вечер она кричала на внука, пытаясь вдолбить в его голову хоть немного здравых мыслей, а потом говорила: «Этот сорванец неисправим. Страшно подумать, что из него вырастет» — и снова принималась кричать.

После девятого класса Артем выучился на автослесаря и устроился работать в городское транспортное управление, где целыми днями сидел в холодном гараже с другими парнями. Он был доволен своей жизнью и даже не задумывался о том, чтобы хоть что-то в ней поменять.

Но все изменилось, когда в его жизни появилась Алиса. Впервые Артем увидел ее в один декабрьский день, холодный, снежный, мечущийся ветрами по подворотням. День этот ничем не отличался от всех остальных: с восьми до шести в гараже, а после — дорога домой и мечты об ужине. Потом немного холодного пива и парочка старых друзей — таких же парней, которых он знал еще со школы. Весь вечер Артем просидел в пивной, что была в подвале дома напротив. Маленькое, мрачное помещение, где стояли старые стулья, а хамоватая женщина за стойкой наливала тощим пьянчугам. Парни оглядывались по сторонам и неспешно пили бокал за бокалом.

— Эти уроды у нас на складе творят, что им вздумается, — начал один из его приятелей. — Ровно месяц назад сказали, что задержат зарплату на пару недель. Кинули нам крохотный аванс, чтобы не передохли с голода. И на этом все кончилось.

— И что ты намерен делать? — отозвался второй.

— А что я могу?

— Может, напишешь заявление?

— Не смеши меня. — Парень скривился. — Уезжать отсюда нужно.

— И куда же?

— В Петербург.

— И кто тебя там ждет?

— А здесь я кому нужен? — Ответа не последовало. — Я слышал, у вас тоже ни черта не платят? — обратился он к Артему.

Но Артем не слышал его. Он смотрел на компанию, сидящую напротив. На девушку, что была с ними. Балаган, гудевший вокруг, был ей безразличен, она смотрела куда-то вглубь толпы и словно не замечала ничего на свете. Артему казалось, что прежде он не встречал девушки столь же прекрасной, и даже отпечаток бедности не мог омрачить этот образ в его глазах.

— Кто это? — спросил он у приятелей, кивая в сторону Алисы. Парни обернулись.

— Алиса Швец. Мы с ней ходили в одну школу. Она перевелась, когда ты уже закончил. Ее мать учила нас геометрии. Настоящая ведьма! Из-за нее я чуть не лишился аттестата, — отозвался первый.

— Только говорят, с такими, как мы, она не путается. Иначе я бы уже сидел рядом с ней, — поддержал второй.

— Заткнись! — огрызнулся Артем.

— Да чего ты?

— Познакомь меня с ней.

— Сейчас? С ней шестеро парней. Я не собираюсь в это ввязываться. — Друг снисходительно посмотрел на Артема. — Я поспрашиваю, может, у кого-нибудь есть ее номер.

Приятели заказали себе еще пива.

Алиса ушла из пивной около десяти вечера с каким-то парнем. Артем хотел пойти за ней, но приятель остановил его:

— Не связывайся. Пойдем лучше ко мне. Мать уже ушла на смену.

Они вышли в заснеженную стужу. Ветер выл над их головами, снег скрипел под ботинками, а звезды вторили сиянию снега. Район на окраине города спал, только вороны копошились в кучах мусора и то там, то здесь раздавались крики из желтых окон. Артем подумал, что Алиса тоже ходит по этим обледенелым дорожкам, встречает те же угрюмые лица и, как все, вязнет в вареве из семейных трагедий, растоптанных надежд и впустую потраченных жизней. И в тот же миг улица стала ему противна и чужда.

Ему не хотелось верить, что она ходит по той же грязи и слышит ту же хмельную брань. Он знал, что это приносит нестерпимую боль ее чуткому сердцу, и не желал, чтобы оно было встревожено хоть на мгновение. Ему хотелось встать вокруг нее огромной рыжеволосой человеческой глыбой, заслонить собой и создать для нее мир удивительной красоты, в котором будут только они вдвоем. Но вместо этого перед ним была знакомая с детства дорога и двое приятелей.

Прежде Артем не сетовал на судьбу, но сейчас не мог простить миру, что тот так несправедливо обошелся с этой девушкой. Он посмотрел вдаль, туда, где сквозь зимнюю ночь прорывались огни высотных домов, где люди неспешно прогуливались мимо светлых двориков и дорогих вывесок по усыпанным серебристым снегом паркам. Эти улицы были так далеки и несбыточны — они только мелькали в окне автобуса, каждое утро везущего его на работу. В ту ночь Артем впервые задумался о том, что его жизнь могла сложиться иначе. Он готов был совершить любое злодеяние, лишь бы Алисе не пришлось больше входить в подъезды, пропахшие сыростью.

До глубокой ночи приятели просидели втроем, болтая о всякой ерунде. Общих интересов у них было немного. Они просто плыли по жизни, копошились в низовье и беспокоились только о том, чтобы в холодильнике была еда, а денег хватило на пару кружек пива. Приятелей Артем покинул с незнакомым ему прежде чувством тоски.

Когда он зашел домой, бабушка выглянула из спальни и начала кричать:

— Артем, тебе ведь завтра на работу!

— Я высплюсь.

— Может, хватит слоняться по ночам?

— Давай не будем сейчас.

Старушка подошла к нему.

— Что с тобой? — произнесла она мягко, с непривычной нежностью.

— Почему мы вынуждены жить, как зверье на скотном дворе? Никому до нас нет дела. Мы просто мусор.

— И что с того? — Она обняла внука. — Жить все равно нужно.

Бабушка помогла Артему раздеться и, как когда-то в детстве, долго сидела у его кровати, гладила рыжие пряди сухой ладонью и тихо шептала:

— Люди живут и хуже нашего. Поспи. Завтра будет легче.

Но тоска так и не прошла.

Через три дня Артему позвонил один из приятелей:

— Знай, у тебя все равно нет шансов! — и продиктовал ему номер.

Артем долго не решался позвонить. Что он мог сказать? «Привет, будь моей девушкой»? Нужно было придумать что-то более тонкое, изящное, но Артем был попросту не способен на это. Он был заурядным работягой, и плести красивые фразы ему не полагалось.

И все же он набрал номер. Из трубки послышалось:

— Алло.

— Здравствуйте, а можно Алису к телефону?

— Это я. Кто это?

— Привет. Ты меня не знаешь. Я видел тебя в пивной на днях и подумал… Может, сходим куда-нибудь?

— Ты тот рыжий парень, что сидел напротив? — спросила Алиса после недолгого молчания.

— Да.

— Я не против. Сегодня вечером я как раз свободна.

— Тогда я зайду за тобой в семь. Пойдет? Где ты живешь?

— Напротив школы. Только не крутись под окнами.

Артем повесил трубку. Он был рад, но долго еще не мог поверить, что все оказалось настолько просто.

Первый вечер был просто приятным: немного разговоров и четыре чашки горячего чая, чтобы хоть немного согреться. Артем хотел сделать их первое свидание особенным, но денег хватило только на дешевое кафе и последний сеанс в кино. Алиса же потом еще долго говорила, что это был лучший день в ее жизни.

Затем еще несколько встреч, первый поцелуй, стылые зимние вечера после работы, проведенные в пивной все с теми же приятелями. Знакомство с родными. Бабушка Артема была счастлива принять Алису в своем доме, хлопотала и суетилась вокруг, все время сетуя, что ей нечего поставить на стол. А после, вечером, сказала Артему:

— Она очень красивая. — И добавила, чуть нахмурившись: — Не вздумай ее обидеть!

Мать Алисы, бывшая преподавательница местного университета, вынужденная теперь работать в школе, выбор дочери не одобрила. Артем показался ей слишком вульгарным, и она причитала:

— О чем ты только думаешь? Он же вышел из хлева! Как он сможет обеспечить тебе достойную жизнь?!

Но Алиса ничего не хотела слушать.

Казалось бы, все шло хорошо, но Артем никак не мог успокоиться. С каждым днем мир вокруг казался ему все грязнее, лица приятелей — глупее и порочнее, а судьба — все несправедливее. Сердце его наполнилось злобой. Артем возненавидел весь мир. Каждого человека считал врагом, но больше всего ненавидел себя и, встречаясь каждый вечер с Алисой, проклинал свою неспособность дать ей больше.

— Скоро нам не придется здесь жить, — то и дело говорил он любимой.

Но чем больше Артем прилагал усилий, тем сильнее противостоял ему мир.

Артем жил одной мыслью: сделать жизнь любимой хоть немного лучше, и, по его мнению, цель эта оправдывала любые жертвы.

Летом 1999-го влюбленные сыграли свадьбу. Скромное торжество в кругу друзей и родственников. Не было ни клятв, ни дорогих подарков — просто приятный вечер, наполненный уютом и безмолвной верой в светлое будущее. Алиса была несказанно счастлива. Пусть на роскошные одеяния не хватило денег, в своем белом платье с мелким кружевом и бежевых туфельках она чувствовала себя самой красивой. Для нее не было большей радости, чем видеть Артема рядом и знать, что теперь они всегда будут вместе.

Артем же весь вечер был молчалив, с жадностью ловил каждый взгляд Алисы, ее улыбку. Но стоило ему забыться, как в уме растекалась мысль, словно яд: «Мы заслуживаем большего».

Следующие полгода выдались непростыми. Денег не хватало, и, как ни противился Артем, Алисе пришлось устроиться на работу в маленький парфюмерный магазин. Артем все время работал, а вечера проводил с Алисой. На бабушку и приятелей времени не хватало, и вскоре он совсем о них позабыл. Молодые часто задумывались о том, чтобы завести ребенка, но оба понимали, что просто не смогут дать ему достойную жизнь. Иногда Алиса готова была смириться с этим:

— Рожают же другие.

Но Артем не хотел даже слушать:

— Наши дети не будут копошиться в отбросах. У них будет все, что они пожелают.

И любые аргументы Алисы теряли смысл.

Каждый раз по дороге домой Артем заглядывал в окна домов, слушал, как там кричат дети, домохозяйки гремят посудой на кухнях, пока их мужья курят на балконах в ожидании горячего ужина. Жизнь двигалась, дети росли, влюблялись, давали жизнь новым людям. Жизнь, которую они украли у его неродившихся детей. Дарили друг другу счастье, которое

принадлежало ему и Алисе. С каждым днем он ненавидел их все больше и, притаившись среди тесных панелек, ждал, когда сможет забрать то, что принадлежало ему по праву.

Так, среди рабочих будней, узких коридоров и тоскливых вечеров, незаметно наступил канун двухтысячного года. Зима тогда выдалась неважная: дожди перемежались с мокрым снегом, небо хмурилось, земля под ногами была размыта, и стоило сойти с дороги, как ботинки вязли в грязи. Город стоял, объятый туманами. Гирлянды и бумажные фонарики падали прохожим под ноги и пропадали в слякоти. Праздник катился под откос, и дух Нового года поддерживали только рекламные баннеры и мелкие торговцы, из последних сил пытавшиеся продать елочные украшения. Люди предпочитали сидеть дома и сетовать, что небо не наградило их снегом, утверждая, что это худшая зима на их памяти. Все, насторожившись, ждали, что принесет им новое тысячелетие, и каждый втайне надеялся, что скоро свершится чудо.

Артем, как обычно, возвращался домой поздно. Уставший, угрюмый и без гроша в кармане. Накрапывал дождь. Улицы давно опустели. Маленький скверик, через который пролегал его путь, освещался только бледновато-бежевой луной.

Все, о чем мог мечтать сейчас Артем, — это горячий ужин и объятия Алисы. И еще чтобы поскорее прошли праздники. В управлении транспорта снова задержали зарплату, и Артем был не в состоянии купить жене даже самый никчемный подарок. Он знал, что это ничуть не волнует Алису, но неспособность обеспечить любимой женщине достойный праздник заставляла его злиться больше обычного. Что он мог сделать? Ему оставалось только брести мимо унылых домов и надеяться, что скоро все образуется. Но Артем больше не видел в будущем смысла. Он знал, что они навсегда останутся пленниками этого проклятого мира и будут подбирать объедки с чужого пиршества жизни.

Вскоре он свернул в подземный переход, где на хлипких столиках на металлических ножках был разложен всякий хлам. Осталось лишь несколько самых жадных до прибыли продавцов, которым не с кем было разделить этот омерзительный вечер. Один из них окликнул Артема:

— Молодой человек, купите гирлянду!

В руках он держал зеленый провод, на котором, словно бусины, висели разноцветные лампочки. Огоньки переливались и бегали по проводу, загораясь то красным, то желтым, то синим. Артем смотрел на гирлянду как завороженный, а потом очнулся и с горечью понял, что не может позволить себе даже такой мелочи.

— Погода в этом году просто дрянь, — заметил торговец.

— Это уж точно.

— Такая вещичка, — он протянул Артему гирлянду, — поможет создать праздничное настроение. И стоит совсем недорого. — Продавец возмущенно развел руками: — Приходится отдавать без наценки: после Нового года все равно никому не продам.

Артем хотел сказать, что у него нет денег, и идти дальше, но тут к ним подошел мужчина в черном пальто. Волосы его были растрепаны, на рукавах висела засохшая грязь, одутловатое лицо выдавало пристрастие к выпивке. Он был изрядно пьян: разглядывал товары, тянул к ним руки, желая попробовать их на ощупь, и бормотал, что купит все это для своего сына.

Торговец извинился перед Артемом и прикрикнул на пьяного:

— Проваливай отсюда!

— Я покупатель! — возмутился тот. — У меня есть деньги.

Он достал из кармана несколько мятых банкнот. Владелец точки попытался оттолкнуть его от прилавка, но пьянчуга ухватил его за воротник. Артем бросился было помогать, но в последний миг замер. Перед глазами возникла Алиса. Одна. В пустой комнатушке. Не помня себя, Артем схватил с прилавка гирлянду, сунул ее в сумку и зашагал прочь, не оборачиваясь, в страхе, что торговец его заметит. Сердце барабанило, щеки пылали, а пальцы намертво вцепились в сумку. Остановился он только в подъезде. Перевел дух и уверенно нажал на кнопку

звонка. Дверь открылась, и он увидел Алису. На ней было платье, в котором она впервые пришла к нему на свидание. Артем молча достал гирлянду из сумки и протянул жене.

Весь вечер Алиса радостно кружила по комнате, а Артем тем временем развешивал гирлянду вокруг окна.

— Где ты ее взял?

— Купил по дороге.

— Но зачем, милый? Это было совсем необязательно.

Артем ничего не ответил.

В ту ночь Алиса мирно спала, прижавшись к Артему. А он долго не мог заснуть и смотрел в окно, туда, где скрипели старые качели, накрапывал дождь и бродила по улицам подвыпившая нищета. Все было по-прежнему, с той лишь разницей, что теперь этот постылый вид скрашивали разноцветные огоньки, попеременно мигающие в темноте. Впервые за много лет Артем был горд собой и совершенно спокоен. Он знал, что теперь сможет дать Алисе все, что она пожелает.

Довольно скоро в их семье появились деньги, и несколько лет все шло хорошо. Вот только Алиса ушла от Артема, узнав, как именно он получал эти деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.